

Ученые Центра аграрных исследований РАНХиГС оценили продовольственную безопасность нашей страны довольно высоко, а вот доступность продовольствия в разных регионах и среди разных слоев населения, по их расчетам, далека от рациональной.

Сюжеты

«Все войны мира ведутся за белок» – эти слова Мушега Мамиконяна, председателя Мясного союза, прозвучавшие на презентации доклада «Продовольственная безопасность: мониторинг, тенденции, угрозы», точнее всего подчеркивают важность проблемы продовольственной безопасности в современном мире. Продовольственная безопасность – это неотъемлемая часть национальной безопасности, и внимание к этому вопросу сейчас становится особенно актуальным для России.

Впрочем, этот доклад вовсе не носит спекулятивный характер, да и готовился он еще до крымских событий. Более того, он отходит от привычных оценок продовольственной безопасности как возможности самообеспечения страны продовольствием. Авторы исследования доктора экономических наук Наталья Шагойда и Василий Узун из Центра аграрных исследований при Институте прикладной экономики РАНХиГС использовали в своей работе ряд критериев, принятых в международной практике и почти не используемых у нас. В частности, речь идет не только о самообеспечении продовольствием, но и о его доступности (физической и экономической) для разных слоев населения страны. Этот ракурс выявил новый пласт проблем с продовольствием в нашей стране. Так, в исследовании назван ряд групп населения (в региональном разрезе или по уровню доходов), которые испытывают явный недостаток белка в рационе, чрезмерно высокую долю расходов на питание. Эти группы — потенциальные очаги социального напряжения, подчеркивают авторы. Кроме того, ученые выявили несколько других опасных моментов, на которые ранее при оценках продовольственной безопасности внимания практически никто не обращал, например подконтрольность значительной части крупнейших производителей сельхозпродукции и продовольствия иностранным юридическим лицам, формирование крупных латифундий (земельных владений) и вывод их в офшорные юрисдикции.

Продуктов хватает...

В Доктрине продовольственной безопасности, принятой в нашей стране, установлены индексы независимости (производство разделить на потребление, умножить на 100 %) по восьми основным продуктам. Пороговые значения этих индексов определены в диапазоне от 80 % (для сахара, растительного масла и рыбы) до 95 % (для зерна и картофеля). И если по таким видам продуктов, как зерно, картофель, сахар, растительное масло, мы даже превышаем свой индекс независимости, то по молоку и мясу (особенно по определенным видам продуктов: сыру, маслу, говядине и др.) все еще недотянули до него.

При этом фактическое потребление (с учетом импорта) по трем основным видам продуктов (молочные, овощи и фрукты) до сих пор не достигло рациональных норм, рекомендованных Минздравом, тогда как по ряду других (картофель, хлеб, сахар и др.) оно, наоборот, гораздо выше рекомендованного уровня. Потребление мяса близко к норме, хотя и разбалансировано по его видам: так, говядины средний россиянин ест в два с половиной раза меньше рекомендованных 25 кг в год, а курятины и свинины –

больше.

Впрочем, при оценке сложившихся рационов исследователи выявили одну проблему, которая вообще ставит под сомнение справедливость официальных данных. Дело в том, что Росстат, подсчитывая рационы, использует две разные методики: балансовую (производство плюс импорт минус экспорт делится на число жителей) и бюджетную (потребление оценивается по выборочным опросам российских домохозяйств). И данные о потреблении продуктов по этим методикам различаются очень сильно. Например, согласно балансовым подсчетам мы едим 111 кг картофеля в год, а по бюджетным – всего 64 кг при рациональной норме 97 кг. В Росстате такой разброс объясняют тем, что в бюджетных методиках не учитываются расходы на коллективные хозяйства – больницы, интернаты, монастыри, хотя учитывается общепит. Сельхозпроизводители называют еще одну возможную причину – чрезмерно завышенные данные по производству продуктов в личных подсобных хозяйствах, которые, скорее всего, не соответствуют действительности. Об этом регулярно говорят, например, картофелеводы, молочники. В любом случае, делают вывод ученые, обе методики нужно существенно улучшать, чтобы иметь возможность получать объективные данные о питании населения страны.

...но доступны они
не всем

Отдельно в исследовании изучается вопрос экономической доступности продуктов разным группам людей. Продовольственная безопасность считается достигнутой, когда для каждого человека обеспечена возможность потребления по рациональным нормам, то есть доходов хватает на покупку необходимых продуктов по сложившимся в стране ценам. Проанализировав потребление по децильным группам (все население страны ранжировано по уровню среднедушевого дохода на 10 групп по 10 %), исследователи выявили, что нижние три группы страдают от недоедания, а верхние три группы потребляют существенно больше продуктов питания, чем предусмотрено рациональными нормами, и для них уже актуальна проблема ожирения. В рационах нижних групп явно виден недостаток белков, особенно животного происхождения: в самой нижней группе в 2012 году потребляли всего 53,4 г белка в сутки, это 65,5 % рациональной нормы. Даже по общей калорийности рационы трех нижних групп недостаточны для нормального жизнеобеспечения. Так, по нормам FAO (Food and Agricultural Organization, комитет по продовольствию ООН) минимальная калорийность пищевого рациона, ниже которого фиксируется недоедание, – 1819 ккал в день. Для климатических условий России этот показатель еще выше. В первой же децильной группе население получает с продуктами питания только 1910 ккал в сутки. Это означает, делают вывод авторы доклада, что положение с доступом к продовольствию здесь катастрофическое. Особенно острое положение в городской местности, где в первой децильной группе в 2012 году калорийность питания составила лишь 1882,3 ккал на человека в сутки, причем она снижается (в 2011 году – 1890,5 ккал).

Оценивая доступность продовольствия в разных регионах, исследователи соотнесли средние расходы жителей на питание со стоимостью рационального продуктового набора. В результате выявилось 11 регионов, где жители имеют возможность купить лишь до 80 % рационального набора, и три региона (Ненецкий АО, Тува и Ингушетия), где люди покупают до 70 % необходимых продуктов. Причем в этих 14 регионах люди

тратят на питание больше половины своих потребительских расходов. По терминологии ФАО такие семьи относятся к «бедным и уязвимым». Всего же таких домохозяйств (в расходах которых на питание уходит больше половины средств) по стране больше 22 %. А еще в 42 % домохозяйств на питание уходит больше 40 % средств.

Те регионы и группы людей, где наблюдается плохая экономическая доступность продовольствия, как правило, характеризуются как социально неблагополучные и потенциально несут в себе угрозу социальной напряженности и взрывов. Их статистическое выявление важно для привлечения внимания к проблемам конкретных категорий людей, с тем чтобы снизить возможные риски социального беспокойства. Еще одна тревожная деталь в разрезе экономической доступности продовольствия: цены на продукты в России растут быстрее, чем в развитых странах-соседях. Индекс цен на продовольствие в России за прошлый год вырос на 6,2 %, тогда как в странах ЕС – лишь на 1,45 %.

Как работать с рисками

Угрозы и риски продовольственной безопасности страны напрямую связаны с развитием сельского хозяйства и контролем негативных явлений, которые могут там присутствовать. Одним из таких рисков в Центре сельхозисследований считают высокую концентрацию производства в отдельных холдингах. В случае их банкротства продовольственная безопасность жителей целого региона может оказаться под угрозой. В качестве примера можно вспомнить банкротство татарского агрохолдинга «Вамин». Это предприятие было крупнейшим производителем молока в республике, а сохранение производства там сейчас весьма проблематично. Правительство Татарстана даже делегировало первого заместителя главы аппарата президента для контроля над процедурой банкротства предприятия, чтобы минимизировать последствия для экономики региона. К сожалению, существующая система сбора статистики не позволяет контролировать процессы концентрации производства, накопления долгового бремени, снижения финансовой устойчивости по организациям, контролирующим крупные сегменты производства сельхозпродуктов и их переработки. Эту ситуацию неплохо было бы изменить. Возможно, стоит ввести какие-то ограничения по размерам холдингов.

Но существует и другой способ противостояния этому риску – стимуляция развития малых форм хозяйствования. Сегодня основной финансовый поток поддержки сельхозпроизводства идет как раз в сельхозорганизации. А фермеры и личные подсобные хозяйства такой поддержки, как правило, не получают. Эта политика нуждается в пересмотре, считают экономисты.

В исследовании перечислен еще ряд угроз, требующих планомерной и кропотливой работы по снижению рисков. Хочется привести два примера, связанных с возможной зависимостью от иностранной юрисдикции, – эти угрозы в настоящий политический момент кажутся наиболее актуальными.

Первый пример связан с подконтрольностью крупнейших агропромышленных компаний России иностранным физическим и юридическим лицам. От 75 до 99,9 % пакетов акций пяти из десяти крупнейших сельскохозяйственных организаций России принадлежит иностранным юридическим лицам, указывают авторы доклада, ссылаясь на данные «СПАРК-Интерфакса». И контрольные пакеты акций пяти крупнейших сахарных компаний (контролирующих совокупно свыше 60 % сахарного рынка) принадлежат

иностранным (офшорным) юридическим или физическим лицам как учредителям первого или второго уровня. Очевидно, что риски головных организаций российских компаний, находящихся за пределами страны, увеличиваются в случае возникновения международных конфликтов. Кроме того, все эти крупные производители активно используют госсубсидии на развитие сельхозпроизводства. Получается, что часть субсидий в итоге идет на поддержку иностранного капитала в ущерб малому национальному бизнесу. Так что при выстраивании аграрной политики информацию о том, кому принадлежит агропродовольственный бизнес, несомненно, следует учитывать. Похожая ситуация складывается с владением землей. По нашему законодательству иностранцы могут арендовать землю, но не могут быть ее собственниками. В отношении юридических лиц запрет наложен только на компании, в уставном капитале которых более 50% принадлежит иностранцам или иностранным юридическим лицам. Но обходится это ограничение очень легко — через регистрацию нескольких юридических лиц разного уровня, и конечным бенефициаром земли в итоге является иностранная компания или физическое лицо. В международной терминологии для перехода земли в руки иностранцев используется термин «захват земли». Во многих странах он ограничен; в странах, где нет ограничений, обобщен негативный опыт влияния иностранных инвесторов на цену земли, возможность доступа к земле сельских жителей, вымывания их из сельхоззанятости (при отсутствии других мест трудоустройства или самозанятости) и так далее. Росстат не отслеживает, сколько сельхозгодий страны в итоге скуплено иностранцами (или находится в офшорах). А неофициальные данные свидетельствуют, что явление это весьма масштабно.

Наталья ЛИТВИНОВА,
(«Эксперт»).